

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО (DIGITAL STATE) – КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА¹

© 2018 г. Р. А. Ромашов^{1*}, В. Ю. Панченко^{2**}

¹Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

²ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск

*E-mail: romashov_tgp@mail.ru

**E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2017 г.

Исследование соотношения понятий “государство” и “state” позволяет говорить о них как о взаимосвязанных, но не тождественных категориях. Государство — state представляет собой нормативный порядок организации общества и управления им, основанный на различных технологических конструкциях (волюнтаризме, праве, цифровой кодировке). Осуществляется критический анализ традиционной формационной теории типологии государства и предлагается альтернативная концепция универсального типа. Определяется место и роль системы Интернет в политико-правовой системе современного государства. Предлагается гипотеза цифрового государства (digital state) как формы постгосударственного мирового порядка.

Ключевые слова: государство, правовое государство, суверен, государственный суверенитет, типология государства, общественно-экономическая формация, цифровое государство, Интернет, правовое регулирование, правовое сорегулирование, правовой режим.

DOI: 10.31857/S013207690000235-0

1. Государство — state: к вопросу о терминах

Все имеющиеся представления, связанные с внешним образом (формой) и сущностью государства как социально-политического явления могут быть сведены в две концепции: организационную и функциональную.

В рамках организационной концепции государство представляет собой форму социальной организации. По мнению В.Е. Чиркина, отражающему достаточно традиционную для социально-политической и юридической науки точку зрения, государство — это особая, универсальная для данного общества организация, обладающая уникальной властью (публичной, государственной) и специализированным аппаратом управления обществом. Будучи неотъемлемой частью общества на протяжении многих тысячелетий, государство выполняет всеобъемлющие

регулятивные (а именно управленческие) функции по отношению к нему².

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть организационную концепцию понимания государства в широком и узком смыслах.

В широком смысле государство есть *ограниченное географическими пределами (границами) политически организованное сообщество граждан (подданных)*. При этом в качестве основных структурных элементов государства выступают социальные организации, осуществляющие управление (органы государственной власти); организации, обеспечивающие управленческий процесс

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проект № 15-33-01354.

² См.: Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственного управления. М., 1997. С. 7.

(материальные придатки государства: силовые структуры — полиция, армия, органы государственной безопасности; государственные учреждения, осуществляющие деятельность в сфере науки, образования, медицины, социального обеспечения и т.п.); организации, являющиеся объектом управленческого воздействия (семейные и профессиональные союзы, корпорации, осуществляющие хозяйственную деятельность, и т.п.).

В узком смысле государство отождествляется с *аппаратом государственной власти (бюрократией), силовыми, судебными и контрольно-надзорными структурами, при помощи которых осуществляется легальное государственное принуждение*. Соответственно, если брать за основу узкий подход, то получается, что в пределах географической территории страны, задающей пространственные масштабы государственной юрисдикции, существуют и определенным образом взаимодействуют государство — аппарат (инструмент) публичной политической власти и народ — объект властного воздействия.

Функциональная концепция понимания государства предполагает восприятие последнего не в качестве субъекта действия — коллективного лица, от своего имени осуществляющего управление страной (территорией) и обществом, а в качестве системы общественных отношений, специфического состояния упорядоченной политико-правовой реальности. С точки зрения смыслового значения, данной концепции в большей степени соответствуют западные понятия “etat”, “stato”, “staat”, “state”. Изначально возникнув для указания на состояние и положение правителей, их величие и достоинство, вышеназванные понятия постепенно начали рассматриваться в качестве самостоятельных категорий, обозначающих состояние или положение соответствующих политических образований. В рамках подобного понимания государство, а правильное говоря — “state”, рассматривается как сложившийся в определенной социальной общности на определенном историческом этапе ее развития и в пределах определенной территории ее постоянного нахождения публичный порядок общественной организации и управления.

Данный порядок носит нормативный характер и объединяет общезначимые правила поведения, принимаемые от имени всего государственно организованного сообщества (нации) относительно небольшим по числу аппаратом управленцев — государственной бюрократией.

Субстанциональным основанием *государства-state* является взаимное стремление власти и подвластных к общему благу. Однако понимание блага непосредственным образом зависит от восприятия системы “главных” ценностей, с обеспечением и сохранением которых связаны “благие намерения”. Все высказываемые по этому поводу точки зрения могут быть сведены к двум полярным позициям: системоцентричной и эгоцентричной.

В рамках системоцентричной позиции государственная система отношений выступает в качестве основной ценности и безусловным образом довлеет над такими производными от нее подсистемами, как частное право, права и свободы человека и гражданина, общественное самоуправление и т.п. Наглядными примерами выражения системоцентричного подхода являются слова из известных советских песен: “Жила бы страна родная, и нету других забот”; “Раньше думай о Родине, а потом о себе”; «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз» и др.

Эгоцентричный подход основан на представлении о человеке, его правах и свободах как о первичной и основной ценности государственной организации. В таком понимании государство — не индивидуальный собственник, воплощенный в государе, который владеет “своей страной и народом” и волен по своему желанию пользоваться и распоряжаться ими, а объект коллективной собственности, своего рода акционерное общество с выборным советом директоров, в своей деятельности отчетных и ответственных перед общим собранием акционеров.

Говоря о соотношении понятий “государство” и “state”, следует отметить, что в качестве упорядоченной нормативной системы государственной организации и государственного управления законодательный порядок (state) присутствует в любой форме

политически организованного сообщества. Однако это вовсе не означает, что любое государство представляет собой state или, иначе говоря, не всякий нормативный порядок, сложившийся в рамках state, представляет собой государство.

Собственно государство, равно как и такие аналогичные ему понятия, как “королевство”, “графство”, “княжество”, “царство”, есть не что иное, как kingdom — объект патримонии владычествующего суверена. Соответственно, государственный суверенитет — это высшая власть государя, его право по своей воле править “своей страной и народом”, определять как внутреннюю, так и внешнюю политику “своего государства”. Государственный state — это порядок, определяемый волей государя и произвольно изменяемый им. Государь устанавливает публичный порядок, однако сам этому порядку не подчиняется либо подчиняется исключительно по собственному желанию. В таком понимании представители государственной бюрократии являются в прямом смысле слова “слугами государевыми” и руководствуются в своей деятельности не абстрактными правовыми предписаниями, а конкретными властными волеизъявлениями конкретных вышестоящих властителей, каждый из которых, в свою очередь, выступает “слугой вышестоящего начальника”. Главный начальник — государь — лицо юридически безответственное, отвечающее за принимаемые решения и совершаемые поступки исключительно перед собственной совестью и Богом.

State в значении государства — это порядок, в равной степени обязательный и для простых сограждан, и для представителей властных структур. В таком понимании правовые законы столь же объективны, общезначимы и общеобязательны, сколь объективны законы природные — всемирного тяготения, смены погодных и временных циклов, конечности жизни и т.п. State устанавливают граждане, однако после того, как установленный порядок приобрел законную силу, он становится общеобязательным и не может быть произвольно изменен либо нарушен в зависимости от складывающейся ситуации или субъективного восприятия и оценки со стороны того или иного лица.

Если мы рассматриваем state как одну из форм государственной организации, то понятие правового государства³ — state of law есть не что иное, как порядок политической организации и политической власти, установленный при помощи юридических правил (законов) и объективный по отношению ко всем индивидам и коллективам, находящимся в пределах пространственных масштабов государственной юрисдикции.

Государство-kingdom правовым (в смысле подконтрольным праву) по своей субстанциональной природе быть не может. Закон в государстве — это не объективная реальность, а продукт государевой воли, средство, при помощи которого государь вершит “свой суд и расправу”.

Как свидетельствует анализ государственной истории, на определенном историческом этапе общество может перейти от политической формы государства-kingdom к государству-state, а может и не перейти. На наш взгляд, в Российской Федерации в ее нынешнем состоянии говорить о таком переходе как о состоявшемся событии по меньшей мере преждевременно.

2. Типология государства: от традиции к инновации

В отечественной теоретико-правовой науке вплоть до последнего времени вопросы типологии государств рассматривались преимущественно через призму формационного подхода, основоположниками которого традиционно считаются классики немецкой политической экономики — К. Маркс и Ф. Энгельс.

Суть данного подхода заключается в рассмотрении категории общественно-экономической формации в качестве основополагающего критерия отнесения государства к соответствующему историко-экономическому типу. В данном случае *общественно-экономическая формация — это исторический тип общества, основанный на определенном способе производства и распределения материальных благ.*

³ См. также: Графский В.Г., Козлихин И.Ю. Идея правового государства. История и современность // Государство и право. 1995. № 2. С. 45–49; Графский В.Г. Гражданское общество, правовое государство и право // Там же. 2002. № 1. С. 46–49; Марченко М.Н. Правовое государство // Правовое государство: теория и практика. 2006. № 6. С. 39, 40.

К. Маркс делит мировую историю на три макроформации: архаичную (догосударственную), политическую (государственную) и коммунистическую (постгосударственную). Основными критериями такой классификации являются, во-первых, наличие или отсутствие частной собственности на средства производства; во-вторых, наличие или отсутствие антагонистических классов; в-третьих, наличие или отсутствие товарного производства. По Марксу, каждая последующая формация логически и исторически вытекает из предыдущей и является по сравнению с ней более высокоорганизованной.

Первой общественной макроформацией считается архаическая (первобытно-коммунистическая). В рамках данной формации не существовало ни частной собственности, ни классов, ни товарного производства. Следовательно, не было и государства как инструмента классового господства, и экономической эксплуатации. Способ производства в рамках данной формации был основан на общей (родовой, коллективной) форме собственности, а власть в равной пропорции принадлежала каждому члену сообщества.

Переход к политическому (государственно организованному) сообществу в первую очередь связывается с изменениями, происшедшими в экономическом базисе первобытного общества (три крупных разделения труда, формирование института частной собственности, отделение публичной политической власти от общества, непосредственная зависимость собственности от власти, что, в свою очередь, означает политическую детерминацию экономики). Эти изменения, с одной стороны, означали преодоление непосредственной зависимости человека от окружающей среды, а с другой — предопределяли необходимость создания качественно новых механизмов социального управления, в задачи которых входила реализация правотворческих, оперативно-регулятивных и правоохранительных функций.

Политическое сообщество представляет собой центральный элемент экономической общественной формации, в рамках которой выделяются способы производства: рабовладельческий, феодальный, буржуазный и соответствующие данным способам типы государств.

Следует отметить, что каждая вновь возникающая общественно-экономическая формация и соответствовавший ей тип государства на первичном этапе своего становления обеспечивали определенный прогресс в развитии производственных сил ввиду внедрения в процесс производства и распределения материальных благ передовых (на данном этапе исторического развития) производственных отношений. Второй этап предполагал соответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил и свидетельствовал о расцвете формации, ее “золотом веке”. В ходе дальнейшего развития неизбежно возникало и углублялось противоречие между продолжающимся прогрессом производительных сил и все более явным отставанием производственных отношений. Накопление этих противоречий вело к качественным изменениям: подвергались трансформации формы собственности, появлялись и выходили на политическую арену новые классы и социальные группы, претендовавшие на завоевание политического господства, снижалась вплоть до схождения на нет эффективность государственных регулятивно-охранительных механизмов. В результате складывалась ситуация, когда “верхи не могли, а низы не хотели” сохранять устоявшийся социальный порядок. Разрешение кризиса происходило путем межклассового конфликта, обуславливавшего смену устаревшей общественно-экономической формации более прогрессивной⁴.

Необходимо особо подчеркнуть, что К. Марксу любое государство, независимо от типа общественно-экономической формации, представлялось в качестве орудия осуществления классового господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Коммунистическая макроформация, которая, по идее, должна была прийти, представляла собой “общество изобилия”. Предполагалось, что на определенном этапе производительные силы достигнут такой стадии развития, что будут способны полностью удовлетворить потребительские интересы широких масс. В обществе, где есть все, частная собственность и связанное с ней товарное производство теряют смысл. Соответственно, исчезают классовые противоречия

⁴ См. также: Ромашов Р.А. Конфликтология: учеб. пособие. СПб., 2006. С. 89, 90.

и сами классы. В конечном итоге отмирает государство, поскольку функции государственного принуждения и контроля утрачивают свою социальную значимость. На смену государству приходит общественное самоуправление, осуществляемое по принципу “от каждого — по способности, каждому — по потребности”.

Рассмотрение Марксовой формационной теории развития общества и государства позволяет сделать следующие выводы:

прежде всего К. Маркс — это теоретик, конструирующий монистическую модель мировой истории, основанную исключительно на экономических показателях. Осуществляя детерминацию истории и экономики, Маркс с определенной долей достоверности описывает прошлое и выдвигает гипотезу перспективного будущего человеческого сообщества;

осуществляя типологию государства в рамках политической макроформации, Маркс оперирует параметрами, характерными для исторического и экономического развития государств, относящихся к западной культуре. По мнению исследователя, эти параметры являются универсальными и в той или иной степени присущими всем политико-правовым сообществам. Вместе с тем, на сегодняшний день очевидно, что такой подход является ошибочным. История наглядно доказывает, что способы производства определяются в первую очередь экономической целесообразностью, а не историческим этапом либо типом культуры. В частности, рабовладельческий способ производства широко применялся в таких классических западных демократиях, как США и Великобритания, вплоть до середины XIX в.

Россия, не относясь к странам западной культуры, на всех этапах своей политико-правовой истории находясь, однако, под ее влиянием, формировала и формирует собственное отношение к западным достижениям. Теоретический марксизм стал концептуальной основой революционного движения, направленного на разрушение традиционной российской государственности и построение “на обломках старого мира” государства нового типа — советской социалистической республики. При этом, несмотря на то что социалистический тип государства самим

К. Марксом предусмотрен не был, это не смущало идеологов “практического коммунизма”. И.В. Сталин в одном из своих выступлений произнес фразу, ставшую классической: “Марксизм — не догма, а руководство к действию”. “Отцы-основатели” первого в мире “государства победившего социализма” трактовали марксизм “творчески”, объясняя противоречия теории и практики историческими особенностями, вносящими коррективы в любые теоретические построения.

В социалистическом государстве сохранялись классы, однако отсутствовали антагонистические межклассовые противоречия. Государство сохраняло функцию государственного принуждения, однако считалось, что данная функция реализуется только против внешних “врагов советского образа жизни” и внутренних “врагов народа”. Тезис об отмирании государства в коммунистическом будущем сопровождался утверждением об усилении классовой борьбы в ходе дальнейшего строительства социализма и коммунизма и, как следствие, необходимости усиления государства.

Крах коммунистической идеологии и социалистической экономики, повлекший разрушение СССР и мировой социалистической правовой семьи, доказал практическую несостоятельность формационной теории. Вместе с тем на повестку дня встал вопрос об альтернативной формационной концепции типологии государства.

На наш взгляд, при осуществлении такой типологии следует руководствоваться комплексом критериев, объединяющих государственную территорию, государственно организованный народ, тип экономики. Данные критерии представляют собой унифицированные показатели, которые могут быть выделены в любом государстве, независимо от исторического периода, географического расположения, религиозно-культурной принадлежности⁵.

Сочетая разные классификационные критерии, представляется возможным выделять четыре типа государств: территориальные;

⁵ См. также: Ромашов Р.А. Типология государства — предложение альтернативных методов. Критика традиционных подходов к типологии государства // Государство: многомерность восприятия. К 80-летию проф. Л.С. Мамута. М., 2009. С. 92–105.

национально-территориальные; индустриальные; постиндустриальные.

В первом случае основу государственности составляет занимаемая государством территория. Это в равной степени могут быть отдельно взятый полис (Афины)⁶ и мировая империя (Рим). Территориальное государство основано на сырьевой экономике, вследствие чего государство считается тем сильнее, чем больше его территория.

Осознание единства территории и населения приводит к формированию государства национально-территориального типа. Впервые такое государство возникает в Римской Империи, когда она начинает восприниматься одновременно и как *res publica* — “общее дело”, и как *patria* — “большая родина”, объединяющая членов сообщества, независимо от мест их рождения и фактического нахождения.

Индустриальное государство основано на экономических связях, приходящих на смену национально-территориальному единству. Индустриальное государство представляет собой сообщество, в котором индивидов и коллективы объединяют прежде всего производственные отношения. Переход к индустриальному типу построения государства предполагает трансформацию государства-kingdom в государство-state. При этом государственная система хозяйствования сменяется государственной экономикой, в основу развития которой положен не государственный волюнтаризм, а экономико-правовые закономерности.

Постиндустриальное государство полагает основой взаимодействия передовые технологии. Именно на данной стадии формируется отношение к человеку как к основной социально-политической и правовой ценности. Человеческая свобода — это прежде всего свобода личности творить и самостоятельно распоряжаться продуктами своего творчества. Государство переходит к постиндустриальному типу тогда, когда способно обеспечить личную свободу, и воспринимается в качестве не инструмента ее принудительного ограни-

чения, а наиболее эффективного гаранта и защитника⁷.

Постиндустриальное государство является завершающим типом государства, предшествующим выходу человечества на следующий этап истории — переход к упорядоченному состоянию, мировому порядку, определяемому не субъективными волеизъявлениями конкретных людей (государей), не законодательными актами отдельных государств и межгосударственных объединений, а универсальными цифровыми кодами, определяющими форму и содержание любых человеческих отношений, существующими вне зависимости от особенностей социо-пространственно-временных континуумов и задающими параметры межличностных и межнациональных отношений во всех сферах социальной жизнедеятельности безотносительно к государственной принадлежности. Первый шаг к формированию такого глобального мирового порядка — появление мировой системы Интернет.

3. Общая характеристика системы Интернет и ее место в правовой системе современного государства

“Интернет — всемирная информационная компьютерная сеть, представляющая собой объединение множества региональных компьютерных сетей и компьютеров, обменивающихся друг с другом информацией по каналам общественных телекоммуникаций (выделенным телефонным аналоговым и цифровым линиям, оптическим каналам связи и радиоканалам, в том числе спутниковым линиям связи).

Интернет является одноранговой сетью, т.е. все компьютеры в сети по сути равноправны, и любой компьютер можно подключить к любому другому компьютеру. Любой компьютер, подключенный к сети, может предлагать свои услуги любому другому. Но Интернет — это не только каналы связи. В узлах этого всемирного соединения установлены компьютеры, которые содержат различные информационные ресурсы и предлагают информационные и коммуникационные услуги.

⁶ См. об этом: Ромашов Р.А. Античный полис как форма социального устройства и государственного правления // Правоведение. 1999. № 2. С. 29–33.

⁷ См. подробнее: Ромашов Р.А. Обеспечение правового статуса личности — цель и основная задача современного конституционализма // Вестник НУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. “Право”. 2001. № 1. С. 271–275.

Информация в Интернете хранится на серверах. Серверы имеют свои адреса и управляются специализированными программами. Они позволяют пересылать почту и файлы, производить поиск в базах данных и выполнять другие задачи.

Обмен информацией между серверами сети выполняется по высокоскоростным каналам связи. Доступ отдельных пользователей к информационным ресурсам Интернета обычно осуществляется через провайдера или корпоративную сеть.

Провайдер (поставщик сетевых услуг) — лицо или организация, предоставляющие услуги по подключению к компьютерным сетям. В качестве провайдера выступает некоторая организация, имеющая модемный пул для соединения с клиентами и выхода во всемирную сеть.

Существуют также компьютеры, которые непосредственно подключены к глобальной сети. Они называются хост-компьютерами (от англ. “host” — хозяин). Хост — это любой компьютер, являющийся постоянной частью Интернета, т.е. соединенный по Internet-протоколу с другим хостом, который, в свою очередь, соединен с другим, и т.д.

Таким образом, Интернет — это глобальная компьютерная система, которая:

логически взаимосвязана пространством глобальных уникальных адресов (каждый компьютер, подключаемый к сети, имеет свой уникальный адрес);

способна поддерживать коммуникации (обмен информацией);

обеспечивает работу высокоуровневых сервисов (служб), например WWW, электронная почта, телеконференции, разговоры в сети и др.”⁸.

Появление Интернета означает примерно то же, что и появление мирового языка, экономики, политики. “Всемирная паутина” является собой пример практической модели законченной информационной глобализации, которая в “будущем станет таким же элемен-

том коммунального хозяйства, как электричество и вода”⁹.

Интернет — это наднациональная организация, существующая вне государственной юрисдикции. Общение в сфере Интернет обусловливает необходимость качественной переоценки целого ряда традиционных представлений о социально-государственном устройстве и нормативно-правовом регулировании. Если современное государство и право основываются на таких незыблемых канонах, как государственный суверенитет, национальное и территориальное единство и обособленность, персонификация и иерархизация государственной бюрократии, то Интернет в своей организации и действии характеризуется качественно отличающимися параметрами. При этом по своим функциональным свойствам система Интернет способна если не заменить (пока) традиционное государство, то по крайней мере достаточно успешно конкурировать с ним. Интернет выступает и в качестве организационной, экономической, управленческой (политической), и даже сакральной среды, осуществления общественной жизнедеятельности. Однако вплоть до недавнего времени эти и другие виды социальной деятельности рассматривались в непосредственной связи с государством, которое если не полностью их поглощало, то по крайней мере выступало в качестве общепризнанного центра силы, определяющего основные правила социального поведения и обеспечивающего их выполнение абсолютным большинством членов сообщества.

Возникают вопросы о том, как соотносятся национальное и международное право с нормами, определяющими организацию и функционирование системы Интернет, и какое место Интернет занимает в национальной и наднациональных системах правового регулирования.

Отвечая на первый вопрос, следует прежде всего определиться с тем, к какой правовой реальности Интернет относится — к объективной или субъективной. По нашему мнению, в своем современном состоянии система Интернет столь же объективна, сколь объек-

⁸ См.: Глобальная сеть Интернет: история развития. URL: <http://sbmtwiki.wikidot.com/wiki:globalnaa-set-internet:istoria-razvitiia> (дата обращения: 20.10.2016).

⁹ Mosco V. After the Internet: New Technologies, Social Issues, and Public Policies // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. September 2017. Vol. 10. Issue 3. P. 310–313.

тивны такие социальные феномены, как экономика, политика, образование, право. Интернет существует независимо от того, как то или иное государство оценивает тот или иной сайт, того или иного провайдера. “Правом на жизнь” в интернет-пространстве в равной степени пользуются политики и террористы, консерваторы и революционеры, верующие и атеисты. Как верно отметил Г. Киссинджер, «ни одно правительство, даже тоталитарное, не в состоянии остановить поток информации или противостоять тенденции перевести множество операций в цифровой формат. Большинство демократий опираются на “укоренившийся инстинкт”: попытка ограничить влияние информационной революции невозможна и даже аморальна. Большинство стран за пределами либерально-демократического мира отказались от желания “обуздать” эти перемены и вместо этого пытаются овладеть данными технологиями. Каждая страна, компания и индивид в настоящее время участвуют в технологической революции как субъекты или как объекты»¹⁰.

Однако оценка перспективы государственно-бюрократического воздействия на интернет-среду противоречива. Ф. Фукуяма констатирует неограниченный характер свободы в Интернете: “Иерархии всех видов, и политические, и корпоративные, подвергаются давлению и начинают распадаться. Власть больших, негибких бюрократических образований, которые стремились посредством правил, предписаний и принуждения контролировать все и вся в пределах своей сферы влияния, была подорвана переходом к экономике, основанной на знании; это способствует росту самостоятельности индивида, обретаемой благодаря доступу к информации”¹¹. Согласно другой позиции Интернет эволюционирует “от слабо организованной, децентрализованной и плюралистической системы к будущему Интернету как жестко контролируемой, централизованной и кодифицированной системе под корпоративным и государственным контролем”¹², т.е. государства пытаются упорядочивать и ограничи-

вать как сам Интернет, так и интернет-пользователей, но уже сегодня понятно, что государственные возможности в данной области достаточно ограничены по своему ресурсу.

Говоря же о правовом регулировании в интернет-среде¹³, следует использовать термин “сорегулирование”, означающий сочетание разноразрядных средств и методов регулятивно-охранительной деятельности. Интернет в системе правового сорегулирования выступает и как пространственно-информационная среда, обеспечивающая жизнь “интернетного права”, подобно тому как жизнь человеческого сообщества обеспечивает земная атмосфера, и как глобальная коммуникация, обеспечивающая виртуальное взаимодействие отдельных личностей, корпораций, стран и международных организаций, а также как самостоятельный срез современной человеческой культуры, стоящей на пороге вступления в “интернет-цивилизацию”. Правовое сорегулирование представляет собой особый правовой режим — симбиоз правового регулирования в традиционном его понимании (где ведущая роль принадлежит государству) и правового саморегулирования, осуществляемого субъектами интернет-отношений самостоятельно. В виртуальном пространстве имеет место вряд ли поддающееся регистрации множество постоянно возникающих и исчезающих правовых систем саморегулирования, в которых субъект, создающий информационный продукт в самом широком смысле (сайт, игра, магазин и т.п.), выступает в роли правотворца и правоприменителя, а пользователи добровольно подпадают под юрисдикцию данного правопорядка путем принятия установленных “правил игры”, в силу чего возможным становится сам факт такой виртуальной коммуникации. Следует согласиться с мнением о том, что «существует значительное концептуальное сходство между системой норм, выраженных в виде текстов на естественном языке, и программами, выраженными на языке программирования. И те и другие фиксируют процедуры выполнения действий и/или ограничения на действия субъектов. И те и другие должны предусмат-

¹⁰ См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. URL: https://bookz.ru/authors/genri-kissindjer/mirovoi-_640/1-mirovoi-_640.html (дата обращения: 20.10.2016).

¹¹ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3232/3233> (дата обращения 20.10.2016).

¹² See: Mosco V. Op. cit. P. 297.

¹³ См. также: Малько А.В., Анисимова А.С. Механизм правового регулирования интернет-отношений: понятие и специфика // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 8–13.

ривать разумную реакцию на все возможные ситуации и быть внутренне непротиворечивыми. <...> Аналогом законотворчества являются переделка программ и разработка новых, вызванная невозможностью или неудобством выполнения нужных действий, или, наоборот, желанием закрыть возможность выполнения действий, считающихся недопустимыми. <...> По факту каждая программа является сама по себе маленьким “кодексом” для тех, кто пользуется ею¹⁴. В подобном понимании правовое сорегулирование есть продукт взаимодействия субъектов интернет-отношений¹⁵, которые, несмотря на различные социально-правовые статусы, равны в своем статусе интернет-пользователей, в комплексе образующих население виртуальной страны с названием Интернет.

4. Digital state — новая общественная макроформация

Современный мир представляет собой сложноструктурированную конструкцию, сформировавшуюся в результате двух глобальных процессов, получивших свое завершённое воплощение в XX в., — разрушения мировой колониальной системы империализма и краха мировой социалистической системы.

На смену мировому порядку, основанному на коммуникации (как конфликтной, так и партнерской) двух основных мировых культур (западной и советской), пришла поликультурная синергетическая система, в рамках которой в настоящее время не удастся выстроить устойчивую систему внутригосударственных и межгосударственных отношений. Мир переживает кризисное состояние и находится на грани перехода в состояние политико-правовой аномии (хаоса). В сложившейся ситуации функциональная роль традиционного государства как формы социальной организации общества и механизма публичной политической власти существенным образом сни-

жается. Большинство людей как в западном, так и в постсоветском мире дистанцируются от государства, воспринимая его не в качестве среды безопасности и комфорта, а как фактор опасности, столкновение с которой представляет собой такую же объективную угрозу, как и криминальный мир, техногенные и природные катаклизмы, эпидемии и т.п.

Кризис “практического” государства обусловливает появление многочисленных теоретических рассуждений, связанных с дальнейшими перспективами политической организации общества. На наш взгляд, при анализе государства как социокультурного феномена следует прежде всего отказаться от его формационной типологии, основывающейся на концепции линейной истории, и в дальнейших изысканиях руководствоваться теорией цикличности. Новейшая история доказала ошибочность теории смены общественно-экономических формаций. Крушение социалистической государственно-правовой системы показало невозможность построения коммунизма ни в отдельно взятой стране, ни тем более в мировом масштабе. Однако отказ от формационной концепции не означает конца истории.

В настоящее время происходит трансформация традиционных представлений о государстве и праве. Итогом этой трансформации являются концептуальное обоснование и практическое воплощение феномена “цифровое государство — digital state”. Причем, говоря о “диджитал стейт”, следует помнить о том, что английское слово “state”, если быть точным, переводится на русский не как “государство”, но как “состояние, порядок”. В свою очередь, государство по-английски — это “kingdom” (объект владения государя).

В российской политико-правовой практике на всех ее исторических этапах мы оперируем термином “государство”, структурная композиция которого предполагает отделение государственной бюрократии от общества и восприятие последнего не как коллективного носителя государственного суверенитета, а как объекта управленческого воздействия, в своей организации и жизнедеятельности всецело зависящего от государственной воли.

При таком понимании не имеет смысла говорить о правовом государстве в западном

¹⁴ Акопянц А. Реальное право в виртуальном мире. URL: <http://akop.ru/personal/1245> (дата обращения: 20.10.2016).

¹⁵ О правовых взаимодействиях см. подробнее: Панченко В.Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия. М., 2015. С. 34, 35; Его же. Правоотношение и правовое взаимодействие: аспекты соотношения // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 4. С. 85–92; Его же. О структурах правового взаимодействия // Там же. 2014. № 7. С. 114–120.

понимании “state of law”. Заявляемый на конституционном уровне правовой характер государства означает не более того, что государственный волюнтаризм облекается в юридическую (законодательную) форму и на практике реализуется посредством юридических, в том числе судебных, правоприменительных процедур. В таком понимании советская Россия была не менее “правовой”, чем сегодняшняя Российская Федерация.

Понимание государства как основанного на праве порядка общественной организации и общественного управления — “state of law” — является более высокой ступенью осознания государственной реальности. На Западе такое видоизменение общественного правосознания связано прежде всего с буржуазной революцией, обусловившей переход феодальных отношений к капиталистическим.

В России начавшийся переход от феодального крепостничества к буржуазной демократии повлек не эволюцию, а революцию, разрушившую традиционную российскую государственность, однако не сумевшую в конечном итоге представить конкурентную западной модель государства “нового типа”.

Стремление воссоздать “сильную Россию”, предпринимаемое нынешним политическим руководством страны, во многом повторяет сценарий СССР периода “застоя”. Изоляционистская политика, формирование пропагандистского образа «внешнего и внутреннего врага», сырьевая экономика, усиление гонки вооружений, несменяемость политической власти — эти и другие факторы, которые в 90-х годах XX в. обусловили распад СССР, продолжают иметь место в Российской Федерации. Тот факт, что распад СССР, равно как и распад Российской Империи, носил быстротечный характер, является свидетельством глобального системного кризиса, преодолеть

последствия которого в настоящий период не удастся. Вместе с тем нельзя говорить о том, что кризис имеет место только в России, вплоть до сегодняшнего дня не перешедшей от организационно-управленческой модели государства к модели state.

Глобальный кризис распространяется в том числе на страны традиционных западных демократий — state of law. Все более активной критике подвергаются принципы, положенные в основу Евросоюза, не сумевшего доказать преимущества евроинтеграции по отношению к традиционным национальным государственным формам. В сложившейся ситуации государство и право, являясь продуктами национальной культуры, ограниченной масштабами социо-пространственно-временного континуума, становятся архаичными формами, утрачивающими фактическую способность осуществлять эффективную организацию общества и эффективное управление им.

Формирование digital state — это уже не утопия, но реальность. Среда Интернета, основанная на цифровых кодах, являющихся универсальными, вневременными и вненациональными факторами, существует и оказывает фактическое манипулятивное воздействие на сознание и поведение миллиардов людей независимо от их национальности, вероисповедания, гражданства.

Именно digital state, а не мифическое коммунистическое сообщество способно стать реальной альтернативой существующему государственно-правовому порядку. Каким будет этот порядок и каким образом в него будут встраиваться системы национального государства, государственного и международного права, покажут грядущие перспективы.

В любом случае это — не конец истории.

DIGITAL STATE AS A CONCEPTUAL FOUNDATION OF THE GLOBAL WORLD ORDER

© 2018 R. A. Romashov^{1, *}, V. Yu. Panchenko^{2, **}

¹*Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences*

²*Siberian Federal University, Krasnoyarsk*

^{*}*E-mail: romashov_tgp@mail.ru*

^{**}*E-mail: panchenkovlad@mail.ru*

Received 26.01.2017

Analysis of correlation between the concepts of state in Russian and in English allows to conclude that these categories are similar, but not the same. State represents a normative order of an organized society and its management, based on different technological constructions (e.g. voluntarism, law, digital codes). The article critically overlooks a typology of state suggested by traditional theory of formations and offers another universal construction as an alternative. The Internet is placed in the context of political and legal system of a modern state. A hypothesis of digital state is proposed to explain it as a form of a future world order.

Key words: state, state of law, sovereign, state sovereignty, typology of a state, socio-economic formation, digital state, the Internet, legal regulation, legal co-regulation, legal regime.